

Полякова Н. В.

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДИКАТИВНОЙ ПОСЕССИВНОСТИ В ДИАЛЕКТАХ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА¹

В статье рассматриваются различные теоретические подходы к посессивности в целом и предикативной посессивности в частности, описываются отличия атрибутивной и предикативной посессивности на семантическом уровне, приводится краткий обзор употребления/неупотребления глаголов бытия и обладания в посессивных конструкциях уральских языков, относящихся к *Esse*-языкам. Основное внимание посвящено анализу основных типов предикативных посессивных конструкций селькупского языка – с глаголом *ēqo* ‘иметь, обладать’ и с глаголом противоположного значения *čaŋkiqo*.

Ключевые слова: *посессивность, селькупский язык, предикативные посессивные конструкции.*

В последнее время в лингвистике возрос интерес к исследованию различных лексико-грамматических категорий и средств их выражения. В частности, большое количество работ посвящено изучению таких универсальных категорий, как пространство, время, локативность, посессивность.

Несмотря на стабильность существования самих лексико-грамматических категорий, средства выражения данных категорий видоизменялись, их репертуар также претерпевал значительные изменения.

В. Н. Топоров отмечает: «...развитие языка в сторону имманентной знаковой системы привело к формированию новых языковых функций, получивших преобладание над функцией освоения мира, которая перестала со временем осознаваться как таковая; однако разворачивающееся в ней содержание (освоение – притяжение) было перенесено в пределы формирующегося категориального уровня, где оно оказалось еще органичнее и прочнее укорененным в категории притяжательности» (Топоров, 1986: 146).

Как указывает в своих работах Б. Хайне, прототипические случаи выражения посессивности представляют собой набор определенных составляющих: посессор (одушевленный субъект), обладающий правом использовать объект посессивности; конкретный объект посессивности (собственность); пространственное приближение между посессором и объектом; отсутствие временных ограничений на отношения посессивности (Хайне, 1997: 39). Данная характеристика схожа с определением Х. Зайлера: «Лингвистический посессор является репрезентацией отношений между двумя субстанциями. Субстанция *A*, называемая посессором, прототипически одушевленная, конкретнее – является человеком, а если еще более сузить определение, обладает индивидуальностью или близка к говорящему» (Зайлер, 1983: 4).

Таким образом, посессивность является языковым выражением отношений между двумя сущностями – посессором и объектом посессивности – обладаемым, первый видится имеющим некоторые отношения со вторым, находящимся в непосредственной близости или под контролем первого. Между посессором и объектом посессивности могут существовать различные типы отношений, но эти отношения, как правило, выводятся из лексического значения посессора и объекта посессивности (Милованова, 2007: 159).

Посессивные отношения могут быть представлены в языках атрибутивными и предикативными конструкциями, выражающими различные типы посессивности: это и собственно

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ. Проект № 15-04-00406 «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала».

владение материальными объектами, и отношения «часть/целое», которые тесно связаны с понятием отчуждаемости/неотчуждаемости. Данное понятие относится к наименее исследованным аспектам посессивности, не все исследователи включают так называемую неотчуждаемую посессивность (*У него зеленые глаза*) в состав посессивных конструкций. Ученые не пришли к единому мнению по поводу того, какой тип посессивности – отчуждаемый или неотчуждаемый – возник раньше. Однако большее распространение получила точка зрения, что «неотчуждаемость» – более древний конструкт, а «отчуждаемость» – производное, вторичное явление (Полякова, 2015).

В данной статье будет рассмотрена предикативная посессивность в диалектах селькупского языка, поскольку данный феномен трактуется в научной литературе весьма неоднозначно и атрибутивные посессивные конструкции в отличие от предикативных посессивных конструкций уже становились предметом научных изысканий (Ким, 1987; Полякова, 2015; Ким-Малони, Ковылин, 2015).

Центр предикативной посессивности составляют конструкции, в которых эксплицитно представлены все три элемента посессивной ситуации: оба члена реляции – посессор (владелец), объект посессивности – обладаемое, и реляционный предикат со значением посессивности. Посессивное отношение является отношением направленным: посессор может рассматриваться как ориентирующий элемент, а объект обладания – как ориентируемый (объект логически подчинен владельцу), и, наоборот. В первом случае в основе предложения находится субъект-посессор, а само сообщение касается его имущественного положения, того, чем он владеет, а во втором случае само сообщение касается характеристики объекта принадлежности (Сушкова, 2007: 118).

В предложениях, представляющих посессивное отношение в разных ракурсах, реализуются два основных категориальных значения посессивности: 1) обладание (формула «посессор – принадлежность – обладаемое»): *У меня есть дом; Я имею дом*; 2) принадлежность (формула «обладаемое – принадлежность – посессор»): *дом принадлежит мне*.

К числу отличительных черт предикативной посессивности от атрибутивной можно отнести следующие: объект посессора находится в близости от посессора минимальный промежуток времени, посессор является локативной целью обладаемого, посессор имеет минимальный контроль над обладаемым (Heine, 1997: 26).

Вербализованная пропозиция, выражаемая предикативными конструкциями, является типовой и полной. Пропозиция, вербализованная в структуре высказывания словоформой или словосочетанием, называется неполной, или свернутой. Свернутые пропозиции сопутствуют основной, они фиксируют внешние связи констатируемой ситуации, т. е. связи с тем фрагментом действительности, в пределах которого она существует. Словосочетания и словоформы, вербализующие скрытую пропозицию, обладают способностью быть «развернутыми» в полную предикативную конструкцию.

В зависимости от использования глаголов бытия или обладания в посессивных конструкциях все языки условно подразделяются на две большие группы: *Habeo*-языки и *Esse*-языки. В так называемых *Habeo*-языках прототипические случаи выражения атрибутивной и предикативной посессивности – это генитив, притяжательные местоимения и конструкции с глаголом *иметь*. В *Esse*-языках наблюдается аналогичная выраженность атрибутивной посессивности, конструкции же с глаголом *иметь* относятся к периферии средств выражения посессивных отношений, центральное место занимают конструкции с глаголом *быть* (Зайлер, 1983: 61).

В подавляющем большинстве случаев уральские языки для выражения принадлежности используют глагол *быть* в отличие от переходных глаголов индоевропейских языков типа *habeo* 'иметь'. Однако, оформление посессора и обладаемого при этом бывает разным. Посессор может оформляться косвенным падежом (как правило, локальным), а обладаемое исполь-

зуются в именительном падеже, с возможным добавлением притяжательного суффикса. В других случаях посессор и обладаемое употребляются в именительном падеже, но в этом случае обязательно наличие у обладаемого притяжательного окончания.

В уралистике нет единого мнения относительно конструкций обладания в современных уральских языках. Типы конструкций могут чередоваться в рамках одного и того же текста, однако их объединяет употребление глагола бытия, непереходным. В некоторых уральских языках встречаются переходные глаголы индоевропейского типа для глагольного выражения притяжательности (например, в обско-угорских, ряде диалектов саамского, нганасанском) (Хонти, 2008: 164). Данные глаголы типично имеют более конкретное значение ‘*держат*’, ‘*брат*’. Конструкции «быть»-типа могли существовать уже в праязыке (Майтинская, 1974: 268) и, возможно, посессор маркировался дативом, а обладаемое оформлялось маркрами притяжательности (Хонти, 2008: 166). Что касается конструкций с притяжательным глаголом типа *habeo* с посессором-подлежащим в именительном и обладаемым-объектом в винительном падежах, то, возможно, в уральском праязыке их не было. Данный тип конструкций в своем построении явно является конструкцией номинативного принципа. Ряд исследователей считает, что финно-угорская конструкция «быть»-типа повлияла на ее становление в латышском и русском языках (Suhonen, 1993 161: цит по: Едыгорова, 2010: 38). Л. Хонти считает, что такое влияние могло быть взаимным (Хонти, 2008).

Предикативные конструкции принято подразделять на конструкции обладания (в финно-угорской традиции данные конструкции обозначались как *habeo*-конструкции) и конструкции принадлежности.

Категория посессивности входит в число важнейших категорий селькупского языка. Данная категория является семантически сложной, поскольку в ней находит отражение множество разных отношений: принадлежность части целому, обладание, неотчуждаемая и отчуждаемая принадлежность. Посессивность как лингвистическая категория в селькупском языке может быть определена как отношение двух предметов, именуемых посессор и обладаемое, выражающих семантическое понятие «притяжательности» и связанных между собой особым образом (Полякова, 2015: 51).

В селькупском языке класс посессивных глаголов не сформировался. В составе посессивных конструкций в значении *verba habendi* выступает глагол бытия. Значение «иметь, обладать» передается глаголом *ēqo*, противоположное значение – глаголом *čaŋkiqo* в сочетании с посессором и обладаемым. Если обладатель выражен именем, тогда конструкция передает отношение предметной принадлежности. Если обладатель выражен личным местоимением, тогда конструкция передает отношение личной принадлежности (Беккер и др., 1995: 84).

Рассмотрим более подробно основные случаи выражения предикативной посессивности в селькупском языке. В диалектах селькупского языка выделяется пять типов предикативных конструкций, содержащих в своем составе глаголы *ēqo* и *čaŋkiqo* (Беккер и др. 1995: 84–85).

Предикативные посессивные конструкции первого типа состоят из имени существительного в форме именительного падежа лично-притяжательного склонения и глагола *ēqo* или *čaŋkiqo*.

(1) Вас.

<i>Mat</i>	<i>mat-qun</i>	<i>warg-ak</i>	<i>šogor-m</i>	<i>e-j-a</i>
Я-1SG	дом-LOC1	жить-1SG.sub	печка-Px.1SG	быть-PRS.3SG

‘Я в доме живу, печка у меня есть’.

(2) Нар.

<i>Aža-m</i>	<i>amba-m</i>	<i>e-γ-a</i>
Отец-POSS.1SG	мать- Px.1SG	быть-PST.3SG

‘Отец-мать (у меня) были (букв. отец-мой и мать-моя были)’.

Второй тип предикативных посессивных конструкций образуется при помощи имени существительного в форме именительного падежа безличного склонения и имени существительное в форме именительного падежа лично-притяжательного склонения и глагола *ēqo* или *čaŋkīqo*.

(3) Нап.

<i>Na</i>	<i>nalɥur</i>	<i>nepse-d</i>	<i>wary</i>	<i>e-k</i>
Эта-DEM.	женщина-3SG	грудь- Pх.3SG	большая	быть-PRS.3SG

‘У этой женщины большая грудь (букв. эта женщина грудь её большая есть)’.

Предикативные посессивные конструкции третьего типа содержат в своем составе имя существительное в форме местно-личного падежа безличного или лично-притяжательного склонения и имя существительное в форме именительного падежа безличного или лично-притяжательного склонения и глагол *ēqo* или *čaŋkīqo*.

(4) Ив.

<i>Pongese-nan</i>	<i>qβezi</i>	<i>porɥ-ɨt</i>	<i>e-j-a</i>
Пёнегесе-SG-LOC2		шуба-SG.NOM.Pх.3SG	быть-PRS.3SG

‘У Пёнегесе железная шуба-его есть’

(5) Нап.

<i>Kanan-nan</i>	<i>nüzədj</i>	<i>čaŋ-β-a</i>
Собака-SG-LOC2	хозяин-3.SG	отсутствовать-PRS.3SG

‘У собаки хозяина-её нет’

(6) Ив.

<i>Araga-nan</i>	<i>tan-t</i>	<i>t'aŋ-β-a</i>
Старик SG-LOC2	ум- Pх.3SG	отсутствовать-PRS.3SG

‘У старика ума-его нет’.

(7) Ив.

<i>Tab-la-nan</i>	<i>e'l mād-la</i>	<i>t'angu-z-at</i>
Он-PL-LOC2	ребёнок-PL	отсутствовать-PST.3PL

‘Детей у них не было’.

Предикативные посессивные конструкции четвертого типа состоят из личного местоимения в форме именительного падежа и имени существительного в форме именительного падежа безличного или лично-притяжательного склонения и глагола *ēqo* или *čaŋkīqo*.

(8) Нап.

<i>Man</i>	<i>ija-m</i>	<i>t'aŋ-β-a</i>
Я-1SG.GEN	сын-SG.NOM.Pх.1SG	отсутствовать-PRS.3SG

‘У меня сына нет (букв. мой сын-мой отсутствует)’.

(9) Верхнетольк.

<i>Man</i>	<i>ara-m</i>	<i>mēl'</i>	<i>čäŋ-γ-a</i>
Я-1SG.GEN	отец-SG.NOM.Pх.1SG	всегда	отсутствовать-PRS.3SG

‘Отца моего век нет’

Пятый тип предикативных посессивных конструкций образуется при помощи личного местоимения в форме местно-личного падежа и имени существительного в форме именительного падежа безличного или лично-притяжательного склонения и глагола *ēqo* или *čaŋkiqo*.

(10) Нап.

<i>ta-nap</i>	<i>taŋ-ma</i>	<i>e-j-a</i>
Я-1SG.LOC2	дом- SG.NOM.Px.1SG	быть-PRS-3SG.sub
‘У меня дом-мой есть’		

(11) Ив.

<i>ta-nap</i>	<i>oro-m</i>	<i>t'aŋ-β-a</i>
Я-1SG.LOC2	сила-SG.NOM.Px.1SG	отсутствовать-PRS.3SG
‘У меня силы-моей нет’.		

Анализ предикативных посессивных конструкций в диалектах селькупского языка свидетельствует о том, что наиболее распространенными конструкциями являются конструкции с именем существительным или местоимением, оформленным показателем *-nap* и глаголом *ēqo* или *čaŋkiqo*.

В дальнейшем представляется необходимым провести исследование основных и периферийных средств выражения предикативной посессивности в самодийских языках в сопоставлении с финно-угорскими языками, а также осуществить сравнительный анализ способов выражения посессивности в селькупских фольклорных и бытовых текстах, записанных в XX–XXI вв.

Список сокращений

Вас. – васюганский диалект; Верхнетольк. – верхнетолькинский говор тазовско-туруханского диалекта; Ив. – Иванкино; Нап. – Напас; Нар. – Нарым.

PST – прошедшее время индикатива, PRS – презент (настоящее время), Px – посессивный суффикс, LOC1 – локатив1, LOC2 – локатив 2, SG – единственное число, PL – множественное число, DEM – показательная местоименная основа.

Список литературы

- Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. – Ч. I. – Томск: Изд-во ТГПУ, 1995. – 292 с.
- Едугарова С. Категория посессивности в удмуртском языке. – Режим доступа: URL: www.ut.ee/Ural/ariste/loputood/Edugarova.Dr.pdf (дата обращения: 12.09.2016).
- Ким А. А. Выражение категории притяжательности в диалектах селькупского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1987. – 16 с.
- Ким-Малони А. А., Ковылин С. В. Таксономия языковых средств выражения посессивности в селькупском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2015. – Вып. 4 (10). – С. 36–44.
- Майтинская К. Е. Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – М.: Наука, 1974. – 484 с.
- Милованова М. В. Понятие посессивности: проблемы определения и структуры // Вестник ВолГУ. – 2007. – Сер. 2, вып. 6. – С. 95–102.
- Полякова Н. В. Средства выражения посессивных отношений в диалектах селькупского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). – 2015. – Вып. 4 (10). – С. 51–54.
- Сушкова И. М. О некоторых средствах выражения посессивных отношений в современном русском языке // Вестник ВГУ. – Серия: Филология. журналистика. – 2007. – № 2. – С. 118–122.

Топоров В. Н. О некоторых предпосылках формирования категории притяжательности // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности / Под ред. Л. З. Калнынь, Т. Н. Молошной. – М.: Наука, 1986. – С. 142–167.

Хаваш Ф. Дономинативные следы в уральских языках. Режим доступа: URL: www.philol.msu.ru/~otipl/new/fu/FU_sbornik/FU/Havas_ergativity_in_FU.doc.

Хонти Л. 'HABERE' «по-уральски» // *Linguistica Uralica*. – 2008. – Vol. XLIV, № 3. – С. 161–177.

Heine B. *Possession. Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 292 p.

Seiler H. *Possession as an operational dimension of language*. – Tübingen: Gunter Narr, 1983. – 320 p.

Полякова Н. В.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com

Материал поступил в редакцию 10.11.2016

Polyakova N. V.

THE MAIN WAYS OF PREDICATIVE POSSESSION EXPRESSION IN THE SELKUP DIALECTS

Various theoretical approaches to possessiveness in general and predicative possessiveness in particular are considered, differences of attributive and predicative possessiveness at the semantic level are described. The short review of use / non-use of the verbs of life and possession in the possessive constructions of the Ural languages relating to the Esse-languages is provided: transitive verbs of Indo-European type can be used for verbal expression of possessiveness in Ob-Ugrian, Nganasan and a number of southern dialects of the Lappish language. The main predicative possessive constructions of the Selkup language the parts of which are the verbs *ēqo* 'to have, possess' and the verb with the opposite meaning *čaŋkiqo* are analyzed. The most frequent predicative possessive constructions in the Selkup language are constructions with a noun or a pronoun having the marker *-nan* and the verb *ēqo* or *čaŋkiqo*.

Key words: *possession, Selkup, predicative possessive constructions.*

References

Bekker Je.G., Alitkina L. A., Bykonja V. V., Il'jashenko I. A. *Morfologija sel'kupskogo jazyka. Juzhnye dialekty. Chast'1* [Morphology of Selkup Language. Southern dialects. Part 1.]. – Tomsk, TGU Publ., 1995. – 292 s. (in Russian)

Edygarova S. *Kategorija posessivnosti v udmurtskom jazyke* [Possession in Udmurt]. – URL: www.ut.ee/Ural/ariste/loputood/Edygarova.Dr.pdf (in Russian)

Kim A. A. *Vyrazhenie kategorii prityzhatel'nosti v dialektah sel'kupskogo jazyka: Avtoref. dis. kand. fi lol. nauk* [The Expression of Possession in the Selkup Dialects]. – Tartu, 1987. – 16 s. (in Russian)

Kim-Maloney A. A., Kovylina S. V. *Taksonomija jazykovykh sredstv vyrazhenija posessivnosti v sel'kupskom jazyke* [Taxonomy of possessive language means in Selkup] // *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. – 2015. – № 4 (10). – P. 36–44. (in Russian)

Majtinskaja K. E. *Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija: Voprosy proishozhdenija i razvitija finno-ugorskih jazykov* [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics: Issues of origin and development of the Finno-Ugric languages]. – M.: Nauka Publ, 1974. – 484 s. (in Russian)

Milovanova M. V. *Ponjatie posessivnosti: problemy opredelenija i struktury* [Possession: the problem of definition and structure] // *Vestnik VolGU*. – 2007. – Serija 2, vyp. 6. – P. 95–102. (in Russian)

Polyakova N. V. *Sredstva vyrazhenija posessivnykh otnoshenij v dialektah sel'kupskogo jazyka* [The expression of possession in the dialects of Selkup] // *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. – 2015. – № 4 (10). – P. 51–54. (in Russian)

Sushkova I. M. O nekotoryh sredstvah vyrazhenija possessivnyh otnoshenij v sovremennom russkom jazyke [About some means of expression of possessive relations in modern Russian] // Vestnik VGU. Serija: Filologija. zhurnalistika. – 2007. – № 2. – P. 118–122. (in Russian)

Toporov V. N. O nekotoryh predposylkah formirovanija kategorii pritzazhatel'nosti [About some background for formation of category of possessiveness] // Slavjanskoe i balkanskoe jazykoznanie. Problemy dialektologii. Kategorija possessivnosti / Pod red. L. Z. Kalnyn', T. N. Moloshnoj. – M.: Nauka Publ., 1986. – P. 142–167. (in Russian)

Havash F. Donominativnye sledy v ural'skih jazykah [Prenominative inheritance in the Uralic languages]. – URL: www.philol.msu.ru/~otipl/new/fu/FU_sbornik/FU/Havas_ergativity_in_FU.doc (in Russian)

Honti L. 'HABERE' «po-ural'ski» ['Habere' in Uralic] // Linguistica Uralica – 2008. – Vol. XLIV, № 3. – P. 161–177. (in Russian)

Heine B. Possession. Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 292 s.

Seiler H. Possession as an operational dimension of language. – Tübingen: Gunter Narr, 1983. – 320 s.

Polyakova N. V.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com